

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Константинова Н.В. — Полемика в журнале «Сын Отечества» 1818 года: к вопросу о проблеме автора в документальном травелоге // Филология: научные исследования. – 2023. – № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.9.44076 EDN: ZFFOBJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44076

Полемика в журнале «Сын Отечества» 1818 года: к вопросу о проблеме автора в документальном травелоге

Константинова Наталья Владимировна

ORCID: 0000-0002-7329-9977

кандидат филологических наук

доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета

630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, корпус 3

✉ scribe2@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.9.44076

EDN:

ZFFOBJ

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2023

Аннотация: Предметом исследования являются эго-документы (полемические комментарии в журнале «Сын Отечества» 1818 года) В. Б. Броневского и П. П. Свиньина – авторов документальных травелогов о средиземноморской кампании адмирала Д. Н. Сенявина, как пример рефлексии о своеобразии писательских установок в путевых записках. Цель исследования – определить специфику проблемы автора в документальном травелоге, выявить индивидуально-авторские стратегии в структуре повествования, способы выражения авторского начала в тексте. Теоретической базой исследования послужили работы Е.Г. Местергази, О.В. Кублицкой, Н.А. Ермаковой, А.Е. Козлова, посвященные анализу повествовательной структуры документального травелога. Для осмысления специфики способов авторского самовыражения в документальном травелоге используются следующие методы исследования: биографический, структурно-типологический, историко-литературный. Научная новизна исследования заключается в особом материале и используемом подходе: произведения, представленные в «толстых» журналах XIX века, крайне редко попадают в исследовательское поле, хотя часто в большей степени демонстрируют как

стереотипные, «модные» писательские тенденции, так и индивидуально-авторские. В. Б. Броневский настаивает на том, что субъект повествования должен абсолютно совпадать с биографическим автором текста, соблюдать точность в передаче фактов о путешествии, описывать только то, чему был свидетель в реальной поездке. П. П. Свиньин, напротив, утверждает, что автор вправе описывать не только собственные впечатления, но и ориентироваться на чужое мнение, передавать общее впечатление о значительных событиях. На примере выделенных различий делается вывод о том, что авторы документальных травелогов по-разному представляли себе дистанцию между биографическим автором и субъектом повествования, рефлексировав над процессом текстопорождения.

Ключевые слова:

эго-документ, документальный травелог, автор, субъект повествования, стратегия, полемика, журнал, Сын Отечества, Броневский, Свиньин

В современной науке изучению документальной прозы уделяется больше внимания, и кроме понятия «документальная литература» в процессе анализа в основном современных произведений используются и другие синонимичные варианты: литература факта, литература нон-фикш/non-fiction, художественно-документальная проза, историко-документальная проза, эго-документ, автодокументальный текст. С точки зрения методологии анализа феномена авторства в документальной прозе, актуальным научным исследованием является экспериментальная энциклопедия, представляющая первый отечественный опыт обобщения и систематизации проблематики, связанной с феноменом «невывымышленной» литературы [\[14\]](#). Автор-составитель Е. Г. Местергази фиксирует разность понятий автор-создатель («биографическая личность») и «образ автора», выделяет особенность их соотношения в процессе анализа документального текста. В качестве же «маркера» авторского присутствия в тексте Е. Г. Местергази указывает принцип отбора материала для повествования и способ расположения фактов реальности в тексте – композицию. Сведения о биографии писателя определяются как дополнение к «образу автора», который воплощен в произведении и создается с помощью целого комплекса средств. В методологическом смысле анализ структуры повествования и композиции становится способом выявления авторской позиции. Травелог соотносится с эго-текстами, в которых чаще всего «биографический автор» и субъект повествования не различаются. В настоящем исследовании используется подход, при котором эти инстанции будут различаться. Травелог включается в поле той «невывымышленной» прозы, где «образ автора» конструируется «биографической личностью» через обозначение в тексте «маркеров» авторской позиции.

Можно констатировать, что анализ структуры повествования и композиции становится в современной науке актуальным способом определения авторской позиции. В рамках подобной методологии анализа феномена авторского присутствия в тексте травелога исследователи характеризуют модели повествования (от первого лица, переход от Я к Мы, от третьего лица), выделяют типы субъектов повествования (рассказчиков), фиксируют в структуре повествования текста смену точек зрения на предмет описания. Научные результаты варьируются от выделения частных индивидуальных способов авторского самовыражения [\[4\]](#) до теоретических обобщений на уровне создания нового научного языка описания [\[10, 11, 12\]](#).

На наш взгляд, одним из продуктивных подходов к изучению специфики авторских установок в документальном травелоге является анализ произведений, представленных в «толстых» журналах XIX века. Речь идет не о «вершинных» текстах известных авторов, а о путевых записках, заметках, письмах или начинающих беллетристов, или морских офицеров, чиновников, выполняющих служебное задание. Такой материал крайне редко попадает в исследовательское поле, хотя часто в большей степени демонстрирует как стереотипные, «модные» писательские тенденции, так и индивидуально-авторские. Так, в статье А. Е. Козлова «Нарративные клише русского травелога (на материале журнала «Русский вестник» 1860-1880-х гг.)» [\[5\]](#) на примере путевых очерков, заметок, писем и мемуарных свидетельств рассматриваются некоторые нарративные клише русского травелога. Следует заметить, что клише проявляются вне зависимости от сюжета повествования, места и цели путешествия, однако спектр актуализируемых функций оказывается широким – от общей беллетризации нарратива до сообщения ему идеологического звучания. Подобный метод работы с документальными произведениями в жанре травелога видится нам продуктивным, так как позволяет аккумулировать в исследовательском поле сразу несколько важных задач, связанных со спецификой выражения в структуре повествования авторских стратегий. Кроме того, анализ журнальных публикаций иногда выявляет собственно авторские суждения о способе моделирования структуры повествования в травелогах. Автор как биографическая личность пытается рефлексировать и принципы создания текста о путешествии, и основные задачи описания путевого материала, и способы отбора информации для публикации. Такие примеры эго-документов являются, безусловно, редким явлением в журнальной среде, что и актуализирует их ценность в аспекте изучения проблемы автора документального травелога и определяет научную новизну настоящего исследования.

В статье речь пойдет о ситуации, которая сложилась в 1818 году в связи с публичным обвинением автора травелога в плагиате на страницах журнала «Сын Отечества». Анализ представленных в журнале эго-документов демонстрирует не только специфику взаимодействия авторов как биографических личностей, но и выражает индивидуально-авторские установки на создание текста о путешествии. Сначала обратим внимание на исторический контекст этого события.

На фоне заметного роста реальных путешествий в начале XIX века выделялось одно важное историческое событие – средиземноморская кампания Д. Н. Сенявина. Она была довольно хорошо освещена в мемуарах ее участников, морских офицеров, которые активно публиковались в журналах и сборниках. Особенно ценными первоисточниками этого исторического события считаются «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством Д. Н. Сенявина, от 1805 по 1810 годов» В. Б. Броневского [\[1\]](#). Его путевые записки выделялись не только полнотой описания исторического события, но и спецификой авторских стратегий, которые и демонстрировали особый феномен точки зрения автора-путешественника на этом этапе эволюции жанра травелога. Нами подробно проанализированы жанровые особенности текста В. Б. Броневского, нарративные стратегии, феномен читателя [\[7, 8, 9\]](#).

Безусловно, явно выраженная автором путевых записок установка на достоверность не являлась единственной. Очевидное стремление к подлинности, документальности, объективности, намеренно подробное описание событий сочетается в тексте с субъективностью, стремлением выразить свои собственные переживания, мысли и чувства, угодить читателям и, конечно, «выразить себя». Таким образом, в записках морского офицера выражается интересный феномен авторской точки зрения, демонстрирующий очевидное «напряжение» между двумя установками: автора-

документалиста, этнографа, историка и автора-писателя, литератора, художника. В связи с этим можно утверждать, что автор как биографическая личность (участник событий, морской офицер, очевидец) не в полной мере совпадает с субъектом повествования. Постоянные автокомментарии, представленные как в предисловии, так и в основном тексте записок, свидетельствуют о наличии рефлексивной позиции субъекта рассказывания о путешествии, что выражает авторской установку на моделирование структуры повествования. В. Б. Броневский в журнальных публикациях о морской кампании позиционирует себя как начинающего (непрофессионального) автора травелога. В то же время имплицитно им демонстрируется иная задача – создать свое «авторское слово» о путешествии, стать литератором.

Для достижения такой цели он, конечно, с одной стороны, следует логике профессиональных авторов этого времени, соответствует общепринятым литературным канонам. Основные приемы, которые использует В. Б. Броневский, вполне сентиментального свойства и, скорее, относятся к категории «общих мест» литературного процесса начала XIX века. Обращение к друзьям, имитация достоверности, субъективность восприятия реальности, смещения акцента с описания местности на душевные переживания путешественника – все это соотносится с элементами «карамзинского канона», который был популярен на начальном этапе эволюции жанра травелога в XIX веке и впоследствии продолжал развиваться даже в военных травелогах.

Особый исследовательский интерес вызывают размышления В. Б. Броневского о принципах порождения текста о путешествии. Именно эти фрагменты позволяют выделить способы выражения авторской индивидуальности в повествовательной структуре текста. К наиболее репрезентативным компонентам такой стратегии можно отнести следующие варианты:

- 1) характеристика привлекательности предмета описания, объяснение мотивации автора в выборе объекта действительности;
- 2) создание эффекта непосредственного присутствия читателя в тексте, имитация прогулки;
- 3) описание процесса порождения текста о событии (о походе);
- 4) стремление описать сиюминутные ощущения, размышления (саморефлексия автора);
- 5) комментирование выбора способа письма;
- 6) определение специфики записок морского путешественника (обнаружение преимуществ).

Подобные примеры подтверждают идею о том, что В. Б. Броневский в своих записках особое внимание уделяет процессу создания текста и способам выражения своего авторского Я в структуре повествования в том числе.

Более того, подобного рода саморефлексия автора документального травелога проявляется наиболее наглядно в неожиданном споре В. Б. Броневского с другим автором, описавшим те же исторические события, – П. П. Свиным. На страницах журнала «Сын отечества» в 1818 году читатели наблюдают внезапную борьбу за авторство травелога о событиях морской кампании под начальством адмирала Д. Н. Сенявина.

Впервые на это событие как на «литературную распрю» указывает историк П. Куприянов в своей исследовательской работе. По его мнению, «литературный скандал» был связан с реальной историей взаимодействия двух авторов травелогов об одном и том же событии: «Участниками этой острой полемики были В. Б. Броневский и П. П. Свињин, а непосредственным поводом – вышедшая накануне книга последнего “Воспоминания на флоте” <...> В. Б. Броневский уличал П. П. Свињина, во-первых, в использовании чужого текста, а во-вторых, в обмане публики: оказывалось, что он вовсе не был очевидцем всего того, что описывал, хотя назвал свою книгу “Воспоминаниями”» [\[13, с. 60\]](#).

Главной претензией В. Б. Броневского к П. П. Свињину становится обличение в недостоверности фактов, которые изображает автор-путешественник. Создатель травелога упрекает другого автора в том, что он не был очевидцем событий, а значит, не имел право писать свое «слово о путешествии», позиционировать себя как автора. Фактически в этой полемике на первый план выходит не только биографический контекст, но и литературный – размышление о способах создания текста о путешествии, о формировании образа автора в структуре повествования, о необходимости различения биографического автора и автора-повествователя.

Сам же В. Б. Броневский объясняет уже в предисловии свои принципиальные авторские установки: «... обошед Европу, видел **я** (выделено – Н.К.) лучшие ее страны, знаменитые происшествиями. Славные своими древностями, просвещением и науками <...> **Я** вел ежедневные записки о тех событиях, коих был **очевидец** и о том, что казалось **мне** достойным внимания и любопытства <...> В полной надежде на снисхождение отечественной публики предлагаю историческое повествование сего достопамятного похода и вместе путевые **мои** замечания, мысли и впечатления, изложенные в хронологическом порядке. Счастливым почту **себя**, если просвещенные читатели удостоят благосклонным принятием сей первый труд **мой**, и если принесу удовольствие служившим тогда на флоте и в 15 пехотной дивизии в Корфе находившемуся офицерам, изображением тех битв, где каждый из них имел неотъемлемую часть славы» [\[1, т. I, с. 2\]](#). Обратим внимание на степень концентрации местоимений Я, МОИ, МОЙ в этом фрагменте, что свидетельствует об авторской интенции моделировать не только повествование от первого лица, но разными способами выразить личную причастность субъекта повествования тем событиям, которые он описывает. Важным также является обозначение фокуса, точки зрения, доминирующей в структуре повествования, – «ежедневные записки от очевидца», и указание на принцип отбора материала для описания – «что казалось мне достойным внимания».

Кроме того, в Уведомлении к первому изданию в четвертой части своих записок В. Б. Броневский ещё раз делает акцент на том, что автор травелога вправе описывать только то, что видел сам: «Я сделал извлечение из журнала, доставленного мне одним из товарищей моих с тем, чтобы я воспользовался оным при печатании моих записок. Но как журнал его заключает в себе события 1804 г. <...> **описание городов, в коих я не был**, посему и советовал ему **переложить журнал в письма** и напечатать их особо, на что он и согласился, представив издание их моему попечению. Тем с большим удовольствием принял я на себя этот труд, что журнал его как по оригинальности слога, так и по любопытным замечаниям, с некоторою уверенностью **могу думать**, доставит любителям словесности приятное, занимательное и полезное чтение; и притом **вместе с моими записками составит полное обозрение тех стран**, в которых флот наш от 1804 по 1810 гг. находился» [\[1, т. IV, с. 1\]](#). Ситуация, описанная в Уведомлении, раскрывает

своеобразную авторскую «лабораторию» – действия биографического автора по созданию травелога, принцип использования чужого текста внутри своего, превращение («переложить журнал в письма») эго-документа в литературную форму. Важным, безусловно, является авторское замечание о том, что он не стал использовать в структуре повествования чужой материал именно потому, что он не был в тех городах, которые описаны в тексте, что ещё раз актуализирует авторскую концепцию по созданию травелога – писать только о том, что сам видел, чему был «очевидцем». Впоследствии в «литературном скандале» с П. П. Свиным эта история окажется весьма актуальной для сопоставления.

Таким образом, указанная П. Куприяновым публичная полемика двух авторов об одном и том же событии/путешествии актуализирует проблему автора в документальном травелоге и позволяет выделить, с одной стороны, индивидуально-авторские установки, цели и задачи создания путевых записок, с другой стороны, определить критерии разграничения биографического автора и героя-повествователя в документальном травелоге. Материалом для анализа в этом случае становятся три публикации в журнале «Сын Отечества» за 1818 год: «Уведомление» В. Б. Броневского в журнале от 7 декабря 1818 года [\[3\]](#); «Ответ на уведомление» П. П. Свиного в журнале от 14 декабря 1818 года [\[16\]](#); «Прибавление к уведомлению» В. Б. Броневского в журнале от 31 декабря 1818 года [\[2\]](#). Кроме того, объектом сопоставительного исследования становятся и тексты травелогов: «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год» В. Б. Броневского [\[1\]](#); и «Воспоминания на флоте» П. П. Свиного [\[15\]](#).

В первом «Уведомлении» В. Б. Броневский аргументирует свои претензии П. П. Свиному тем, что личные достоверные путевые записки до их публикации он передавал оппоненту для одобрения, как неопытный, начинающий автор опытному писателю и издателю. В дальнейшем споре морской офицер называет эти черновые варианты «подлинником» и обвиняет Свиного в том, что тот использовал практически дословно фрагменты из этих записок – «списал с моего подлинника». Напомним, что сам В. Б. Броневский не воспользовался чужим материалом, предоставленным ему товарищем с целью более подробно описать европейские города.

Кроме того, он упрекает П. П. Свиного как автора «Воспоминаний на флоте» в том, что тот называет свою книгу «Воспоминаниями», хотя использует чужие источники информации: «Сочинитель Воспоминаний должен был сказать, от кого слышал, тем более, что он знал о моем намерении издать описание, и записки мои столь долгое время имел в руках» [\[3, с. 185\]](#). По его мнению, явным доказательством плагиата могут быть фрагменты его путевых записок, опубликованные в других журналах до полного издания: «Чтобы ясно доказать, каким образом г. Свиной описывал, предлагаю следующие выписки из журналов, в которых отрывки моих записок были напечатаны многим прежде выхода его Воспоминаний» [\[3, с. 186\]](#).

Такая публикация становится резонансным событием, так как ставит под сомнение подлинность авторства книги известного писателя и издателя, а также акцентирует внимание на том, что любые воспоминания как форма травелога должны быть написаны только очевидцем событий. Но, кроме информации об очевидных заимствованиях, эта заметка в журнале становится фактически своеобразным эго-документом, в котором автор травелога рефлексировал о специфике создания текста о путешествии. Так,

биографический материал (автодокументальный) дает возможность анализировать его как источник изучения проблемы автора в документальном travels-логе.

Отвечая на претензии В. Б. Броневского, П. П. Свиньин аргументирует выбор названия своей книги по-иному: «... описание *виденного* (курсив – С.П.) и *слышанного* мною на месте, что весьма может разумеется под словом Воспоминания» [16, с. 235]. Он признает, что был не столько участником, сколько свидетелем той кампании, решил стать её летописцем и через десять лет опубликовал свои записки, которые он – человек сугубо гражданский, переводчик в штате Министерства иностранных дел – скромно озаглавил: «Воспоминания на флоте». В «Ответе на уведомление» он также указывает на тот факт, что с 1816 года его воспоминания печатались в журналах «Сын отечества», «Пантеон славных российских мужей» и «Вестник Европы», а в 1818 году уже стали публиковаться как части отдельного издания. В предисловии к нему П.П. Свиньин писал: «По желанию многих почтенных особ я предаю тиснению записки мои, касающиеся до плаванья российского флота под командою вице-адмирала Сенявина на водах Средиземного моря, Адриатики и Архипелага, которого большей части я был свидетелем, находясь при флоте в звании дипломатического чиновника... Главная цель моя есть сообщить будущему историку справедливые сведения для описания славной кампании и представить в настоящем свете подвиги знаменитого россиянина, оправдавшего на сём важном поприще выбор мудрого монарха» [15, с. 2]. В. Б. Броневский при этом как раз и указывает, что один год из пяти – это не большая часть, продолжая упрекать П. П. Свиньина за то, что он поместил в свои воспоминания информацию о событиях 1805-1806 гг., тогда как он был на флоте только в 1807 году. Это противоречие в предисловии книги П. П. Свиньина и вызывает основное недоумение В. Б. Броневского.

Однако он признает тот факт, что когда Свиньин пишет в своих «Воспоминаниях...» о событиях, в которых он принимал непосредственное участие, совпадения с его записками исчезают: «...что до страницы 117 в описаниях одних предметов у нас нет ничего общего, и ни одной мысли, не только одного выражения, потому что тут г. Свиньин описывал, что видел **своими глазами** и изображал **по-своему**» [3, с. 188-189]. И, действительно, наиболее явно выражаются маркеры авторского присутствия в тех фрагментах текста, где описываются события, в которых П. П. Свиньин принимал непосредственное участие. В этом случае он описывает не только события, природные явления, поведение участников похода, адмирала Сенявина, впечатления других о Чужом мире, но и подробно характеризует собственное поведение, рефлексиирует свое психологическое состояние. Иными словами, субъект повествования перемещается на первый план, становится отдельным объектом описания. Так, например, Свиньин повествует: «1807 года 1 января, с первым лучом нового года, вошли **мы** благополучно в Боко-ди-Катаро и при виде адмиральского корабля салютовали ему полным салютом <...> Здесь **я** имел честь быть представлен адмиралу Сенявину командором в самых лестных выражениях на **мой** счёт и, признаюсь, полюбил его всею душою с первого взгляда. Из двух слов заметно было особенное умение его привязывать к себе подчинённых. Адмирал обласкал **меня**, и когда **я** просил приказания его на счёт **свой**, то он позволил **мне** ещё остаться на "Сильном" до прихода в Корфу» [15, с. 65]. Переход в речи от формы первого лица **Мы** к форме **Я** фиксирует сосредоточенность повествователя на описании личных переживаний, отношений с Сенявиным, а не на общих событиях морской кампании. Все действия адмирала показаны сквозь призму личностного восприятия рассказчика, сосредоточенного на своей персоне, на своем местоположении и благополучии.

Особо в этом отношении выделяется эпизод о том, как капитан-командора Игнатьева

похоронили на острове Тенедос в Эгейском море. Повествователь подробно рассказывает о церемонии прощания и акцентирует внимание только на своем психологическом состоянии: «Мне было так горько, так тяжело, что я не мог плакать. Слезу почёл бы я в то время благодеянием <...> Во всё продолжение печальной церемонии я стоял как онемелый. Вдруг гармония – вечная память! – потрясла всё моё существо. Я затрепетал невольно, опомнился, взглядываю – и рука священника кидала в могилу последнюю горсть земли на знаменитого человека, который в несколько дней сам превратится в землю...» [\[15, с. 89\]](#).

Таким образом, анализируя формы присутствия автора в тексте «Воспоминания на флоте» П. П. Свинына, можно убедиться, что претензии В. Б. Броневского касаются в большей степени даже не присвоения самих материалов о кампании Д. Н. Сенявина, а способов презентации авторской точки зрения в тексте. В. Б. Броневский очень подробно описывает те фрагменты, которые, на его взгляд, были заимствованы Павлом Петровичем из его записок, уделяя внимание деталям, благодаря которым можно уличить автора в недостоверности информации о событиях (неточно указано время, описание погоды не совпадает с особенностями климата в этих местах, искажаются особенности ландшафта и т.д.).

Обратим внимание на некоторые сопоставления фрагментов [\[3, с. 187\]](#):

В. Б. Броневский «Русский инвалид», 15 июля	П. П. Свинын «Воспоминания на флоте» Стр. 237
Вид маленькой церкви Ильи Пророка, стоящей на вершине горы, в то время покрытой облаками, чрезвычайно мне понравился. Положение ее на такой высоте кажется лучшим и приличнейшим местом для громоносного Пророка.	После обеда веселою компаниею ходили мы на вершину голых синих скал, где белеется церковь Ильи Пророка. Святой сей здесь вообще, как и у нас между простым народом, почитается покровителем громов и бурь, и потому нельзя было приличнее избрать места для посвящения ему храма.

В Примечании В. Б. Броневский указывает: «В здешнем климате в январе идут проливные дожди, отчего дороги на горы бывают непроходимы» [\[3, с. 187\]](#). Однако отметим, что в этих фрагментах очевидно разные формы авторского присутствия: рассказчик Броневского явно сосредоточен на выражении своего субъективного мнения об объекте чужого ему мира и причинах такой оценки. В тексте Свинына используется форма **Мы** и транслируется скорее мнение, выражающее коллективное национальное сознание, а не индивидуально-авторское, его рассказчик присоединяется к общему видению объекта реальности, о чем свидетельствует и прием сопоставления чужого мира и своего («как и у нас»).

В другом же фрагменте, напротив, значимость авторского Я усиливается в тексте Свинына [\[3, с. 186\]](#):

В. Б. Броневский «Благонамеренный», июль, стр. 111	П. П. Свинын «Воспоминания на флоте» Стр. 227
Чтобы избавиться от жары, пошел я	На рассвете пошел я в верхние

ещё до рассвета на гору, где находится замок. Дорога, высеченная уступами, шла самыми крутыми излучинами.	на рассвете пошел в верные укрепления. Усилия мои взобраться до жары в замок так истощили мои силы, что я лишился бы конечно памяти, если бы стакан воды, который подал мне часовой, не оживил меня . Дорогу составляет бесконечная лестница, высеченная из самой горы.
---	---

В примечании В. Б. Броневский вновь уличает оппонента в недостоверности, указывая на тот факт, что в январе в этих местах не может быть никакой жары, а, напротив, температура опускается до 4 градусов. Но в данном случае обращает на себя внимание в большей степени копирование способа выражения субъективной позиции повествователя.

При этом в «Ответе на уведомление» П. П. Свиный пытается объяснить сходства в тех фрагментах, которые приводит В. Б. Броневский, совпадением тех общих впечатлений и деталей, которые характерны для всех путешественников, описывающих одни и те же географические объекты. Совпадения становятся неким «общим местом», универсальным языком авторов-путешественников: по принципу «так скажет всякий». Важно указать, что П. П. Свиный акцентирует внимание не столько на сходстве фрагментов, а именно повествований: «После того скажем несколько слов о сходстве наших повествований, помещенных г. Броневским в двух столбцах: они могли и должны были быть на сем виде, потому что первые три предмета **мы видели одними глазами**, а последний был столь достопамятен и свеж, что по приходе моем в Бок ди Катаро составлял первый у всех разговор» [\[16, с. 237\]](#). Автор «Воспоминаний на флоте» тем самым определяет один из способов создания травелога с точки зрения авторской стратегии – описать увиденное своими глазами. В этом случае совпадения могут быть связаны с общим фокусом изображения реальности. Кроме этого, П. П. Свиный фиксирует в своем рассуждении и другой способ – присоединиться к общей традиции описания объекта путешествия, выразить общепринятую точку зрения путешественников: «Не только я осмелился пить воду, которую кушал г. Броневский в Катарском замке, но и тысячи других путешественников, конечно, имели сию же дерзость, как от усталости и разгорячения, взбираясь на высоту, так и по чистоте воды – равномерно как и здесь редко проезжаешь Пулкову гору, не испробовав воды из грота» [\[16, с. 238\]](#). Подобная стратегия – «описать как все» – позволяет охарактеризовать не только те события, в которых рассказчик был очевидцем, но и другие. В этом случае писатель даже делает комплимент своему оппоненту и утверждает, что тот более искусно описывает «общие места»: «... г. Броневский описывает тоже – говорит совсем другим языком, это самое заметит всякий и в других приведенных им столбцах; он описывает так же, да не так и – может быть, несравненно лучше моего!» [\[16, с. 238\]](#). Таким способом оппонент, скорее, избегает прямого соперничества с В. Б. Броневским как автором, писателем, соглашаясь с высказанными претензиями и пытаясь их объяснить в контексте общей традиции создания документальных травелогов как эго-документов.

Свои авторские стратегии П. П. Свиный в меньшей степени демонстрирует в отличие от морского офицера, скрываясь за ролью документалиста-историка, нежели автора-литератора. Помимо переработанного дневника, П. П. Свиный включает в свою книгу ряд приложений: составленное из официальных бумаг и воспоминаний очевидцев «Продолжение действий российской эскадры в Лиссабоне», биографический очерк

«Некоторые подробности о вице-адмирале Дмитрие Николаевиче Сенявине», а также «Выписки из журнала Василия Алексеевича Сафонова, лейтенанта корвета "Флора"». Дополнения к общему тексту в большей степени содержат установку на историческую достоверность, стремление сохранить для потомков подробности экспедиции Д. Н. Сенявина, выделить заслуги адмирала и других участников, отличившихся во время военной операции. Впоследствии именно совокупность всех составляющих частей травелога П. П. Свинына оценивается историками как важное документальное свидетельство очевидца исторических событий о морской кампании Д. Н. Сенявина, наряду с записками В. Б. Броневского. Однако, в период создания травелогов, в 1818 году, на страницах журнала «Сын Отечества» выявляется вариативность авторских стратегий, установок на способ моделирования текста о путешествии, структуры повествования об одном и том же реальном событии.

Таким образом, полемика об авторстве на страницах журнала «Сын Отечества» обнаруживает явное несовпадение в представлениях писателей о том, как должна выражаться авторская точка зрения в тексте травелога. В. Б. Броневский настаивает на том, что субъект повествования должен абсолютно совпадать с биографическим автором текста, соблюдать точность в передаче фактов о путешествии, описывать только то, чему был свидетель в реальной поездке. П. П. Свинын же, отвечая на претензии Броневского, на обвинение в плагиате, напротив, утверждает, что автор вправе описывать не только собственные впечатления, но и ориентироваться на чужое мнение, передавать общее впечатление о значительных событиях (описывать не только *«виденное, но и услышанное»* на месте). Кроме того, по мнению П. П. Свинына, очевидные совпадения в разных текстах травелогов об одном событии могут быть связаны с тем, что авторы выражают «общие» интересы всякого путешественника, который оказывается в определенном, всем известном и популярном месте. В связи с этими различиями мы можем сделать вывод о том, что авторы документальных травелогов по-разному представляли себе дистанцию между биографическим автором и субъектом повествования, рефлексировав над процессом текстопорождения.

Библиография

1. Броневский В. Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. Ч. I–IV. СПб., 1836.
2. Броневский В. Б. Прибавление к уведомлению // Сын Отечества. 1818. № 52. Вып. 7. С. 331–336.
3. Броневский В. Б. Уведомление // Сын Отечества. 1818. № 49. Вып. 4. С. 184–190.
4. Ермакова Н. А. «Ясным взглядом окинуть предмет...»: взгляд путешественника («Картины Италии» П. М. Ковалевского // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты: сб. науч. работ / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2013. С. 272–305.
5. Козлов А. Е. Нарративные клише русского травелога (на материале журнала «Русский вестник» 1860–1880-х гг.) // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой; Мин-во образования и на-уки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 354–374.
6. Константинова Н. В. Жанровое своеобразие травелога В. Б. Броневского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 26–29.
7. Константинова Н. В. Нарративные стратегии авторов-путешественников в

- травелогах о кампании Д. Н. Сенявина начала XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: изд-во НГПУ, 2016. С. 286–305.
8. Константинова Н. В. Русский травелог начала XIX века: феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Броневского) // Сибирский филологический журнал. №3. 2016. С. 79–88.
9. Константинова Н. В. Феномен читателя в русских травелогах XIX века // Научный диалог. 2019. № 4. С. 141–153.
10. Кублицкая О. В. Дестинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №9 (87). Ч. 2. С. 271–275.
11. Кублицкая О. В. Путевая проза: жанр, стиль, дискурс, нарратив (итоги и перспективы изучения) // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 1. С. 76–84.
12. Кублицкая О. В., Мальцева Т. В. Травелогема: к определению объема понятия // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 162–168.
13. Куприянов П. С. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59–73.
14. Литература нон-фикшн/non-fiction: экспериментальная энциклопедия: русская версия / сост. Е.Г. Местергази. М.: Совпадение, 2007. 325 с.
15. Свиньин П. П. Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. I–III. СПб., 1818.
16. Свиньин П. П. Ответ на уведомление // Сын Отечества. 1818. № 50. Вып. 5. С. 234–240.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Оценка и анализ литературной классики, порой, вызывает больше возражений, нежели открытий и верификаций. Авторы / исследователи, которые стремятся дешифровать, или по-новому взглянуть на художественные эксперименты XIX века, начала XX. И это тоже значимо и важно, так как актуализация текстов сформированных два-три столетия назад, несомненно, нужна и востребована. Большая часть написанного ранее просто не попадает в сегмент современности, хотя качественных наработок достаточно много. Как отмечает автор статьи, «в современной науке изучению документальной прозы уделяется больше внимания, и кроме понятия «документальная литература» в процессе анализа в основном современных произведений используются и другие синонимичные варианты: литература факта, литература нон-фикш/non-fiction, художественно-документальная проза, историко-документальная проза, эго-документ, автодокументальный текст». Ориентир исследования объективно манифестирован, точка зрения прозрачна и верна. Отмечу в начале, что работа имеет заверченный вид, полновесность статьи не вызывает сомнений и нареканий. Принципы оценки текста унифицированы: «в методологическом смысле анализ структуры повествования и композиции становится способом выявления авторской позиции. Травелог соотносится с эго-текстами, в которых чаще всего «биографический автор» и субъект повествования не различаются. В настоящем исследовании используется подход, при котором эти

инстанции будут различаться. Травелог включается в поле той «невывымышленной» прозы, где «образ автора» конструируется «биографической личностью» через обозначение в тексте «маркеров» авторской позиции». Научная новизна заключается в сравнительно-сопоставительном режиме, вопрос о проблеме автора в документальном травелоге поднимается на должный уровень оценки. Стиль сочинения соотносится с научным типом, например, это проявляется в следующих фрагментах: «на наш взгляд, одним из продуктивных подходов к изучению специфики авторских установок в документальном травелоге является анализ произведений, представленных в «толстых» журналах XIX века. Речь идет не о «вершинных» текстах известных авторов, а о путевых записках, заметках, письмах или начинающих беллетристов, или морских офицеров, чиновников, выполняющих служебное задание. Такой материал крайне редко попадает в исследовательское поле, хотя часто в большей степени демонстрирует как стереотипные, «модные» писательские тенденции, так и индивидуально-авторские», или «безусловно, явно выраженная автором путевых записок установка на достоверность не являлась единственной. Очевидное стремление к подлинности, документальности, объективности, намеренно подробное описание событий сочетается в тексте с субъективностью, стремлением выразить свои собственные переживания, мысли и чувства, угодить читателям и, конечно, «выразить себя». Таким образом, в записках морского офицера выражается интересный феномен авторской точки зрения, демонстрирующий очевидное «напряжение» между двумя установками: автора-документалиста, этнографа, историка и автора-писателя, литератора, художника. В связи с этим можно утверждать, что автор как биографическая личность (участник событий, морской офицер, очевидец) не в полной мере совпадает с субъектом повествования» и т.д. Цель работы достигнута, поставленный ценз задач решен, думаю, что данный материал может вызвать интерес в расширении исследовательской перспективы, создание новых работ явно продуктивно. Фактические данные вводятся в текст без серьезных нарушений, объективность повествования поддерживается на протяжении всего текстового блока. Примечательно, что автор создает т.н. эффект диалога «со сказанным», это говорит о нетривиальном подходе к раскрытию темы, подкрепляет уровень равнодушия к предмету разговора: «более того, подобного рода саморефлексия автора документального травелога проявляется наиболее наглядно в неожиданном споре В. Б. Броневского с другим автором, описавшим те же исторические события, – П. П. Свиным. На страницах журнала «Сын отечества» в 1818 году читатели наблюдают внезапную борьбу за авторство травелога о событиях морской кампании под начальством адмирала Д. Н. Сенявина», или «кроме того, в Уведомлении к первому изданию в четвертой части своих записок В. Б. Броневский ещё раз делает акцент на том, что автор травелога вправе описывать только то, что видел сам: «Я сделал извлечение из журнала, доставленного мне одним из товарищей моих с тем, чтобы я воспользовался оным при печатании моих записок. Но как журнал его заключает в себе события 1804 г. <...> описание городов, в коих я не был, посему и советовал ему переложить журнал в письма и напечатать их особо, на что он и согласился, представив издание их моему попечению. Тем с большим удовольствием принял я на себя этот труд, что журнал его как по оригинальности слога, так и по любопытным замечаниям, с некоторою уверенностью могу думать, доставит любителям словесности приятное, занимательное и полезное чтение; и притом вместе с моими записками составит полное обозрение тех стран, в которых флот наш от 1804 по 1810 гг. находился» и т.д. В целом статья сложилась, противоречий в общей логике наррации не выявлено, концептуальная доминанта конкретизирована. Момент сопоставлений выведен в табличном виде, что и правильно. Оценочная / критическая манифестация дается убедительно и фактурно: «в примечании В. Б. Броневский вновь уличает

оппонента в недостоверности, указывая на тот факт, что в январе в этих местах не может быть никакой жары, а, напротив, температура опускается до 4 градусов. Но в данном случае обращает на себя внимание в большей степени копирование способа выражения субъективной позиции повествователя» и пр. Выводы по тексту созвучны основному блоку, формальность не лишает их позиционного статуса: «кроме того, по мнению П. П. Свинына, очевидные совпадения в разных текстах травелогов об одном событии могут быть связаны с тем, что авторы выражают «общие» интересы всякого путешественника, который оказывается в определенном, всем известном и популярном месте. В связи с этими различиями мы можем сделать вывод о том, что авторы документальных травелогов по-разному представляли себе дистанцию между биографическим автором и субъектом повествования, рефлексировав над процессом текстопорождения». Основные требования издания учтены, сверх серьезных замечаний к работе нет. Считаю, что статья «Полемика в журнале «Сын Отечества» 1818 года: к вопросу о проблеме автора в документальном травелоге» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».